

Клуб рассказчиков

Андрей ЧЕРЕНОВИЧ

О БОЕВЫХ ТОВАРИЩАХ

Пожалуй, мне нужно кое-что уточнить. Назрела такая необходимость. Вполне возможно, это надо было сделать несколько ранее, но лучше поздно, чем никогда.

Эта небольшая вставка имеет прямое отношение к персонажам моих рассказов. Дело в том, что пишу я отнюдь не исторические хроники, и, стало быть, документальной точности от меня вовсе не требуется. То есть я могу позволить себе некоторый разворот творческой мысли, полёт литературной фантазии, так сказать. Таким образом, фамилии и имена действующих лиц этих записок практически во всех случаях оказались мною либо изменены, либо вымышлены. Сделано это для того хотя бы, чтобы никому обидно не было. Ведь совершенно невозможно предугадать, как тот или иной человек среагирует на рассказы о себе.

То же самое произошло и с названиями некоторых географических пунктов. Среди действующих лиц есть персонажи, обладающие чертами нескольких бывших

моих сослуживцев, этакие «сборные характеры». Но сами ситуации, о которых я рассказываю, конкретные случаи и даже фразы и выражения моряков, всё это – из реальной военно-морской водоплавающей жизни. Всё это происходило фактически, уверяю вас.

Этот приём не нов, его использовали и продолжают использовать многие писатели, к коим имеет дерзновение отнести себя и ваш покорный слуга.

На этом я заканчиваю своё небольшое отступление. А теперь – очередные истории.

Мы с вами уже отмечали прежде тот факт, что страна у нас большая и людей в ней много рождается. Самых разных людей – и плохих, и хороших. То же самое и на флоте: каких только боевых товарищей за время службы встречать не доводилось.

Служил у нас на ДТЩ (дивизион тральщиков) один очень интересный офицер. Фамилия его была, ну, скажем, Симкевич,

Капитан-лейтенант запаса Андрей Станиславович Черенович. Родился в городе Новосибирске в 1955 году. Окончил штурманский факультет Тихоокеанского высшего военно-морского училища им. С.О. Макарова. Служил на кораблях Тихоокеанского флота. В настоящее время – преподаватель морского судовождения Новосибирского командного речного училища им. С.И. Дежнёва и наш постоянный автор.

**Продолжение. Начало в № 1 (12) 2006 г., 1 (15), 3 (16) 2007 г., 1 (17), 2 (18), 3 (19) 2008 г.*

а звали его все Симочкой. Товарищи – прямо в глаза звали, а за глаза – все, кому не лень. Сейчас я попытаюсь вам объяснить, почему звали именно так.

Пришёл он молоденьким, стройненьким, глаженным и начищенным только что после училища лейтенантом. Из Ленинграда приехал. И сразу – На ТОФ, на Камчатку, в ОВРУ. В этот медвежий угол. Вообще-то, аббревиатура БК ОВР расшифровывается так: «бригада кораблей охраны водного района». Но то – официально. А меж собою оловцы весьма разнообразно это буквенное сочетание расшифровывали, например – «общество весёлых ребят». Хотя при этом уточняли, что создать здесь команду КВН никак не получится. На вопрос, почему не получится, отвечали следующим образом: «Потому что все весёлые служат здесь, на кораблях, а все находчивые собрались в Москве, Ленинграде или, как минимум, во Владивосток, на береговых должностях».

Овровская служба – это вам не бисквитные пирожные с газировкой типа «Лимонад» знакомой девчужке в буфете филармонии перед концертом покупать. Не зря все военные моряки эту службу «дурной» называют. Не зря также эта служба у всех военморов в поговорку вошла. Корабли соединения ОВР – достаточно небольшие, практически все они – 3-го ранга. Не эскадренные миноносцы и уж, конечно, не крейсера. В Индийский океан или Филиппинское море ходили, естественно, крайне редко. Но, как говорили у нас на дивизионе, – из морей не вылезали. Берингово и Охотское моря вдоль и поперёк изборождали. Бывало, даже и в Чукотское жизнь и приказы начальников заносили наши корабли.

Режим работы кораблей ОВР примерно таков. Ушли в море на трое суток для отработки противолодочных задач. Вернулись, заправились и ушли на брандвахту на две недели. Сменились, встали к пирсу, заправились, помылись, отдохнули сутки, ушли встречать лодку. Встретили, завели. Не заходя в базу, ушли на Курилы встречать транспорт. Встретили, опознали, приняли под своё охранение, сопровождали до конечной точки, завели в нужную ему базу или передали следующему кораблю-охраннику. Вернулись через неделю, заправились, помылись. Отдохнули трое суток. Ушли на отработку задач КУГ (корабельной ударной группы) соединения. Не заходя в базу, ушли на контрольный поиск ПЛ (подводных лодок) вероятного противника в нарезанный

район. Вернулись через четверо суток. Заправились, помылись, отстоялись сутки. Ушли... Ну, и так далее, и всё – в том же духе. У нас в бригаде бытовала поговорка: «Выходишь в море на сутки – собирайся на неделю».

Естественно, ходить в море приходилось и в хорошую погоду, и в шторм. Ну, а болтает на качке морской тральщик или малый противолодочный корабль чуток посильнее, чем, скажем, авианосец. Это, я думаю, все понимают. Если же, к примеру, вспомнить подводные лодки, то у подводников под толщей воды качки вообще не бывает. Так что всплыть в надводное положение и идти так в штормовую погоду является для экипажа ПЛ, вообще-то, достаточно серьёзным испытанием. При всём моём уважении к этим лихим ребятам и их, мягко говоря, непростым условиям службы.

Чтобы не быть голословным, позволю себе один небольшой пример из жизни. Пошли мы как-то встречать из автономки очередную лодку. И отправили с нами в море ещё и кап-два – командира с лодки такого же проекта. На время выхода его определили в нашу с замом каюту.

Ну, снялись, пошли. Ходу до точки rendez было что-то около двух с небольшим часов; в море штормило, волнение было от трёх до четырёх баллов. Волнение не очень большое, но идти к точке нужно было «вмордотык», то есть носом на волну. А любой ходивший в море человек скажет вам, что так качка ощущается значительно сильнее. Пришли в точку, стали ждать. Лодка всплыла с некоторым опозданием. Опознали друг друга светом и на УКВ, приняли её под охрану, пошли в базу. Домой вернулись к вечеру. Обычная, рядовая работа, которую делали много раз.

Всё бы ничего, да вот только подводник...

Из каюты он выходил только, когда мы ещё туда шли. Поднимался на мостик, свежим воздухом дышал, даже рассказывал нам, надводникам, что-то про лодку свою. Про наш корабль тоже интересовался. Но что-то он больно бледный был. Обедать отказался. На обратном пути его никто наверху уже не видел. Когда ошвартовались, как-то очень уж поспешно и тихо сошёл этот кап-два с корабля. Даже не попрощался ни с кем. Ну, ладно, ушёл да ушёл. Всякие ведь люди бывают. В конце концов, он нам не родственник.

Но после его ухода обнаружили мы с замом в своей каюте некоторые неприятные последствия пребывания в ней

старшего офицера подплава. В небольшой выгородке за дверью, там, где мы обычно вешали шинели и альпаки, в самом углу каюты лежало содержимое желудка нашего гостя, командира целой атомной подводной лодки. Сверху оно было аккуратно прикрыто полотенцем замполита. Обнаружив всё это хозяйство, зам выругался страшно, длинно, с душой, но дело было сделано.

Я, конечно, понимаю, на качке всем несладко приходится, и чувство тошноты может возникнуть достаточно неожиданно. Но, товарищи дорогие, через дверь от нашей каюты располагался галльон, а на верхней палубе простора вообще – немерено. Стыдно было с такими звёздами на плечах травить на виду у надводников? А сделать то, что он сделал, не стыдно? Ну, и, в конце концов, если уж вышел с тобою такой некрасивый казус, будь добр, побеспокойся о приборке, чтобы не оставлять после себя подобного рода воспоминаний.

Так что, как мы с вами ещё раз смогли убедиться – люди разные бывают. Даже среди старших офицеров подплава.

Впрочем, это – всего лишь слова, изложенные в определённом порядке на листе бумаге. ВСЕЙ реальной, фактической картины жизни в ОВРе они, конечно же, передать не могут, да и не передают. Живописать эту жизнь, используя лишь словарный запас хорошего литературного русского языка – даже при всём его богатстве, – просто невозможно. Её суть и смысл, её внутреннее содержание можно почувствовать, только пережив на своей собственной шкуре.

И вот в эту-то суматоху и неразбериху повседневной флотской оворовской жизни и влетел по самые ноздри сходу, сразу после училища лейтенант Симкевич. Не он один, конечно, влетел. Служили рядом с ним и другие офицеры. И безусловно, далеко не все они были такими, как герой нашего рассказа. Все люди – разные, и по-разному ведут они себя в схожих ситуациях. Но сегодня мы с вами разговор не о всех ведём.

Я продолжаю.

Симочка всегда был чист, брит, аккуратен, наглажен и подстрижен; увидеть его не в кителе, а в куртке или штанах комбинезона, можно было исключительно редко. Даже во время корабельных авралов (аврал – общая, обычно спешная работа на корабле, в которой принимает участие весь экипаж). Руки его никогда не были измазаны ГСМ (горюче-смазочны-

ми материалами – солярка, мазут, цитим, тавот и т. п.), и назвать их «кляшнями» у меня как-то перо не поворачивается. Мои коллеги, военные моряки скажут: так не бывает. Ведь в Военно-морском флоте существует очень простой, но весьма эффективный метод обучения новичков: не можешь – научим, не хочешь – заставим. Но так было.

Я уже упоминал прежде о том, что прозвища просто так никому не дают. Особенно – у военных моряков. Увидев и почувствовав неприспособленность к жизни и некоторую, я бы даже сказал, изнеженность Симкевича, его явное нежелание влезать в повседневную грязь и сумятицу военно-морских будней, практически никто всерьёз его и не воспринимал. Наверное, потому так и прозвали. Ну, прислали молодого лейтенанта – и прислали. Что ж тут поделаешь – такого выпустили. Служить нам приходится не с теми, с кем хотелось бы, а с теми, с кем приходится. Мало ли кто у нас в стране в военно-морские училища поступает, и мало ли кого они – эти самые училища – выпускают. Такие иной раз на флоте экземпляры представителей рода человеческого попадают! Прямо хоть сейчас – в паноптикум.

Никогда не упускал случая подначить его наш командир БЧ-5, старший лейтенант Медведев Александр Игоревич. В отличие от лейтенанта Симкевича, Саша измазать свои военно-морские клешни никогда не боялся и в машине мог починить буквально всё, а корабль наш был признан лучшим на соединении. К тому же механик всегда был готов высказать своё личное мнение о реалиях службы любому начальнику прямо в глаза. Правда, его мнение с суждением начальства практически никогда не совпадало, и поэтому очередное звание кап-лея товарищ Медведев переживал уже третий год.

Встретив Симкевича на пирсе, мехорал во всю мощь своих необъятных лёгких:

– Здорово, Симочка! Как твоё драгоценнейшее? Куда гребёшь? Ты уже разобрался, какой водой запитывается помпа охлаждения гирокомпа́са?

Увидев героя нашего рассказа раз или два, всякий человек возымел бы желание назвать его интеллигентом. Но, как говорят, первое впечатление часто бывает обманчивым. По моему глубокому убеждению, интеллигентом Симочка вовсе не являлся. Можно бесконечно долго спорить по поводу того, кто такой интеллигентный человек. Определений этого

понятия достаточно много. Но лично я приемлю то, что когда-то дал доктор Чехов: интеллигент – это тот человек, что не доставляет неприятностей окружающим. Наш же герой, в отличие от Антона Павловича, старался не доставлять неприятностей в первую очередь самому себе, любимому. Другие люди его как-то не особо интересовали. И руки его, подворотничок, брюки или китель были чистыми не от того, что он их своевременно мыл, чистил, стирал и гладил, а от того, что он старался не измазаться, предпочитая как можно меньше вступать в повседневные корабельные дела и работы. Меньше дела – меньше грязи.

Но очень любил лейтенант Симкевич, любил просто до самозабвения любую документацию. Заполнять журналы, чертить графики, составлять отчёты доставляло ему истинное наслаждение. Он прямо-таки самовыражался над калькой или листом электрокартона с линейкой, карандашом или рейсфедером в руках. И надо сказать, делал он эту работу исключительно аккуратно и чисто.

С начальниками всех степеней и рангов лейтенант Симкевич всегда имел самые хорошие отношения. Но вот с подчинёнными... С подчинёнными у него получалось совсем иначе. С матросами Симочка никак не мог управиться, не в состоянии он был найти с ними общего языка. Они его попросту не слушались; осмелюсь предположить – видимо, потому, что не уважали.

Не один раз он приходил на наш корабль, заходил ко мне в каюту и начинал жаловаться:

– Стас, я не знаю, что делать!

– ?..

– Матросы не слушаются... Издеваться надо мною... Я не могу их заставить выполнять свои приказания...

Затрудняюсь сказать, почему он ко мне приходил, может быть, потому, что я никогда не называл его Симочкой, а только по имени обращался. Не люблю обижать людей, кем бы они ни были. Я всегда старался придерживаться в жизни принципа, которому научил меня мой дед: не трогайте меня, и я никого не трону. Я ни к кому не лезу первым. Ну, а уж если тронули – не взывайте.

К тому времени, о котором идёт речь, я уже был тёртым калачом, битым, катаным, прошёл огонь, воду и медные трубы. Умел разговаривать не только с подчинёнными, но и с начальниками. Все мои бока обросли ракушкой – хоть сейчас в

док ставь. В моём жизненном багаже фактически было что посоветовать. И я учил молодого товарища:

– Олежек, откуда родом твой командир отделения рулевых?

– Не знаю...

– А должен бы уже знать. Вот с этого и начинай. Ты должен знать, как он учился в школе, кто его родители, кем и где они работают. И так – о каждом из своих подчинённых. Сходи в посёлок и купи себе в книжном магазине толстую тетрадь, пронумеруй её и прошнуруй. Напиши заглавие: «Журнал работы с личным составом», вызови по одному всех своих бойцов и проведи с ними индивидуальные беседы. Запиши все их данные. Прямо при них и вписывай, чтоб видели. Работать надо, Олежек, а не шарахаться от них. И никогда не ори. Ты кричишь на матросов?

– Да...

– Помогает?

– Не очень.

– Запомни, крик – это признак слабости. Всегда говори спокойно. Твой личный состав должен знать: если ты повысил голос, произошло что-то неординарное.

Много чего рассказывал я Симкевичу, много чему учил его.

Время шло, через два года, как оно и положено, получил он свою третью звезду, то есть звание старлея, и назначили его вскорости после этого на должность дивизионного штурмана. И тут наш Симочка вдруг резко изменился, он прямо-таки расцвёл на глазах, как тот майский гладиолус. Теперь уже у него в подчинении не было матросов и старшин, а сам он вдруг, в одночасье сделался начальником для всех штурманов ДТЩ.

Сейчас, уважаемые читатели, я попытаюсь вам объяснить, почему у меня так и не получилось счастье старшего лейтенанта Симкевича интеллигентным человеком.

Дали нам как-то команду следовать в одну из баз и сменить там тральщик на брандвахте. Обычное дело. Сыграли приготовление к бою и походу, экипаж разбежался по боевым постам готовить свою матчасть... Приготовили... Запустили главные, сыграли аврал; скоро будем сниматься с якоря и швартовов. Я вслед за командиром вышел на мостик. Смотрю, под занавес на борт к нам поднялся дивштурман. Ну, ладно, прибыл – так прибыл. И не таких начальников в море возили.

Убрали сходню, снялись, пошли. Ходу до базы было часов пять-шесть. Немного штормило, балла четыре. Переход должен был быть вполне спокойным.

И вот, когда мы уже вышли за линию входных мысов в море и наш тралец начало потихоньку покачивать, на ГКП поднялся Симкевич и подошёл ко мне. Я, как всегда, стоял у автопрокладчика.

– Здорово, Олег. Ты чего с нами пошёл?

– Здравствуй, Стас. Комдив приказал вашу БЧ-раз проверить. Обратно вернусь на том тральщике, что вы меняете. И его заодно проверю.

Это была обычная практика. Периодически дивизионные специалисты проверяли корабли – «оказывали помощь». Я уже как-то упоминал об этом.

– Добро. Я дам тебе три-четыре «дежурных» замечания, чтобы и твоя работа выполнена была, и меня чтоб не драли. Пиши.

И тут Симочка вдруг возмутился:

– Не надо мне никаких «дежурных» замечаний. Доставай всю свою документацию, я буду тебя проверять, как положено!

Я редко когда не нахожу, что сказать или ответить, но в тот раз онемел. Разум мой отказывался воспринимать услышанное. На флоте ведь есть законы писанные, а есть неписанные. И всем настоящим морякам это хорошо известно. Неписанные законы выработаны в течение столетий мореходами всех времён и народов. Они вполне логичны и срабатывают ничуть не хуже впечатанных в уставы и приказы. И по этим самым неписанным законам Симкевич не имел права требовать с меня; если ты такой умный и принципиальный, чего ж ты за помощью и утешением бегал?

И вот сейчас это ходячее недоразумение, которое не в состоянии самостоятельно справиться с матросами, этот полуфабрикат в офицерских погонах собирается проверять меня? Это – тот самый любитель почертить, что приходил ко мне плакаться и советоваться, кого я учил, как правильно применять на практике полученные в училище теоретические знания по курсу навигации и военной педагогики?!

Наконец, я пришёл в себя.

– Олехек, ты что, вспотел? Пиши замечания, пока я вообще с тобой разговариваю.

Симкевич упёрся:

– Доставай документацию, буду проверять!

И хотя документация у меня была в полном порядке, снести такое не в меру великое служебное рвение я не мог про-

сто органически. Зарвавшихся наглцов нужно ставить на место.

– Знаешь что, Симочка, – теперь уже я не мог назвать его иначе, – если у тебя в прямой кишке так сильно чешется, достань изо рта свой палец и почеши. Ты ещё от соски не совсем отвык и уже пытаешься меня чему-то учить? Молод ты пока меня проверять. Иди и сам смотри, что хочешь. В гипопост спустись и проверь состояние трюмов у клинкета трубки лага, или влезь на мачту и лампочку топового огня выввнти – мощность сличи. Я тебе ничего показывать не буду и отчитываться перед тобой не собираюсь.

Симкевича перекосило. Он взвизгнул:

– Я – дивизионный штурман, я вам приказываю!

Ого, уже и на «вы» перешёл. Прыткий! Соображает, что нужно делать... Ну да, я же ведь сам его учил. В кабестан со швартовным концом его подвески!

Командир, вахтенный офицер и вахтенный рулевой даже и не пытались скрывать улыбки, наблюдая всю эту занимательную картину. Бесплатный цирк на корабле далеко не всякий день показывают.

Но надо было уже как-то начинать реагировать на все эти вопли и сопли, нужно было что-то предпринимать. И тут, как всегда, на выручку пришла военно-морская смекалка.

– Всё, Симочка, отвали. Я укачался. Меня тошнит, я сейчас травить начну. Голова болит, ничего не соображаю, мне не до тебя. Отойди лучше, а то, неровён час, на тебя желудок выверну, кителёк тебе запачкаю.

Симкевич оторопел:

– Да ты же не укачиваешься! Прекрати надо мною издеваться!

– Раньше не укачивался. А теперь вот, как на тебя посмотрю, так тошнить меня сразу начинает. Отвали, Симочка, не доводи до греха. Мне неинтересно с тобой беседовать.

Старшего лейтенанта Симкевича замкнуло. Он спал с лица и канючил, стоя рядом с автопрокладчиком:

– Доставай документацию... Я должен проверить... Мне приказали...

Это уже начинало надоедать понемногу. И тут я решил привлечь к участию в нашем любительском спектакле новых исполнителей. Я обратился к командиру:

– Товарищ командир, объясните, пожалуйста, этому ретивому дивизионному специалисту, что у меня начался жестокий приступ морской болезни, и если он

от меня не отстанет, то я лягу в койку или рухну прямо здесь, а корабль тогда дальше уже он поведёт.

Командир отлично понимал, что происходит. Он среагировал соответственно: – Симкевич, подойди ко мне.

Симочка подошёл к его креслу, и командир, чуть наклонившись вперёд, начал неторопливо и негромко что-то объяснять этому новоявленному, но наполненному по самые ноздри сознанием своей собственной значимости, дивштурману. Тот слушал молча, изредка взмахивая в возмущении крыльями.

– Ты всё понял? – подвёл черту командир.

– Всё...

– Ну, так ступай.

Симочка вздохнул тяжело и, не поднимая глаз, спустился вниз с ГКП.

До места мы дошли спокойно. Что там написал в своём отчёте Симкевич, я не знаю. Да это и не было мне интересно. В базу мы вернулись недели через две с половиной, и никто про эту проверку даже и не упоминал.

Ещё об одном занятнейшем человеке, с которым в своё время довелось мне служить, хочу я вам рассказать. Хотя стоит отметить – незанятных, неинтересных людей у нас на кораблях не было. Уверяю вас.

Итак...

Служил когда-то на нашем МПК лейтенант Трезвенков, звали его Степаном. Он занимал должность командира БЧ-2-3, то есть отвечал за корабельную артиллерию и минно-торпедное вооружение. Ещё в школе и в училище Стёпа крепко занимался боксом, имел разряд кандидата в мастера спорта. По натуре наш минёр был нетороплив, как два медведя коала, вместе связанных. Его неторопливость чуть ли не в поговорку вошла на кораблях дивизиона. Хотя, надо сказать, в нужные минуты реагировал он, как и положено, – быстро. Но это – в нужные.

Старые МПКашки 204 проекта были довольно-таки интересными кораблями. При водоизмещении в 500 т конструктора и строители умудрились впихнуть на них столько оружия и технических средств, что были они весьма опасной и зловерной – для супостата, естественно – боевой единицей. Что тот шершень – хоть и малая букашка, но с лёта, ужалив в лоб, и взрослого человека с ног сшибить может. Стояли на наших МПК спаренные автоматические артиллерийские установки

калибром 57 мм, четыре малогабаритных торпедных аппарата да два РБУ-6000 (реактивные бомбомётные установки). Плюс акустика и радиолокация да плюс ход до 35 узлов под турбинами (~63 км/час), под дизелями – 17,5 узлов (~30 км/час).

Только вот изначально, по проектной документации, должность заместителя командира по политической части на этих кораблях запланирована не была, а стало быть, и место для него в офицерских каютах предусмотрено не было. Но как же можно служить без руководящей и направляющей роли партии? Никак нельзя. Должность замполита ввели, хотя уже после запуска кораблей в серию. Конечно, дали ему и место в каюте – соседом к помощнику командира. И тогда без места оставался один офицер. Если на должность помощника ставили штурмана (совмещённая должность), «лишним» оказывался минёр, если минёра – штурман. Так что один из офицеров на МПК 204 проекта всегда жил в каюте мичманов. Эта каюта на шесть человек представляла собою отгороженную часть одного из матросских кубриков, на нашем МПК – кубрика №2. Там и жил Стёпа.

И однажды пришлось мне быть свидетелем ситуации, которую до сих пор не могу вспоминать без улыбки. Мы тогда сдавали курсовую задачу К-1. Всякий служивший в родном советском военно-морском флоте не даст мне соврать: сдача К-1 – это не день, а сплошное сумасшествие. С самого подъёма – с 6.00 – на корабль прибывает штаб дивизиона во главе с комдивом, и начинают они проверку выполнения распорядка дня – подъём, выход личного состава на физзарядку, мытье, приборки, завтрак, подъём флага, проворачивание оружия и технических средств... Ну, и так далее по суточному плану. Кроме этого, проверяют документацию, стрелковое оружие, чистоту трюмов и нательного белья, бирки, надписи и подписи, умение своевременно и правильно надевать противогаз и химкомплект и умение работать в них... Короче говоря, проверяют соответствие экипажа и корабля требованиям всех возможных уставов, приказов, наставлений и директив.

Офицеры и мичмана в день сдачи К-1, как правило, в 5.30 уже на ногах. Помнишь, как у Булата Окуджавы:

Ещё грохочет голос трубный,

А командир уже в седле...

Перед приходом начальников нужно ещё раз всё проверить, после побудки

махом поднять экипаж и вывести его на стадион. Да мало ли, что ещё. Опять же, проверяющие должны видеть, что на корабле службу бдят. Уверю вас, про один только этот день вполне можно целую повесть или 26 рассказов написать. А, может быть, — и 27.

Так вот, в тот самый день налетела вся эта стая диких буревестников и на наш МПК. Пришли они примерно в 5.50. Командир встретил их на юте, и разошлись дивизионные специалисты по всему кораблю: кто в кубрики спустился, кто — в машину, комдив с командиром на ГКП поднялись. В 6.00 сыграли подъём.

Матросы с коек повскакивали, как ужаленные. Ещё бы — в кубриках полно начальников; да к тому же, если мы первую курсовую задачу сходу завалим, не сдадим с первого раза, кораблю объявят организационный период, неделю будем отработывать, нас будут проверять, а потом — опять сдача. Работа сдельная — когда сдадим, тогда и отстанут. На корабле, не сдавшем К-1, с топа (верхушки) мачты спускали военно-морской вымпел, а финчасть прекращала выплату команде 30-процентной денежной надбавки, так называемых «морских». Весь экипаж это отлично понимал. Так что уж лучше один раз поупираться.

Распорядок дня катился своим чередом: после подъёма — УФЗ, потом — умывание, завтрак... Пока всё шло без сбоев.

Начали приборку, офицеры и мичмана разошлись по заведованиям. Не было видно только Стёпы. И тут я с ужасом вспомнил, что вчера наш минёр был отпущен командиром на сход. Но, так как жена его находилась в это время на материке, отдыхать товарищ Трезвенков отправился в город, в кабак «Авача», а на борт вернулся ночью, во втором часу. Учитывая данное обстоятельство и оригинальный характер Стёпы, можно было сделать совершенно логический вывод — он всё ещё спал. Часы показывали 07.32, через 28 минут — подъём флага. Как же я не заглянул в каюту мичманов?! Если начальники во время приёмки первой курсовой задачи увидят корабельного офицера спящим, это будет ...! Не хочется упоминать, что это будет.

Я ринулся в тамбур перехода и столкнулся там нос к носу с ЗКД (заместитель командира дивизиона по политической части или попросту ЗамКомДив), капитаном 3 ранга Подольским. Глаза партработника были подёрнуты пеленой задумчивости, выхлоп у него был метра на пол-

тора. Видимо, вчерашний вечер был для него достаточно трудным. Но сегодня ему, как и всем дивизионным специалистам, тоже нужно было что-нибудь на нашем корабле проверить. Не артиллерию или двигуны, конечно, и не гирокомпас с торпедными аппаратами, а то проверить, в чём он смог бы самостоятельно разобраться.

ЗКД тут же уцепил меня за рукав:

— Товарищ помощник, давайте посмотрим, как идёт приборка в жилых помещениях, зайдём во второй кубрик.

Я обречённо вздохнул и шагнул к трапу. Спустились. Моряки уже заканчивали приборку, койки были идеально заправлены, форма одежды в рундуках аккуратно уложена, бачковые убрали после завтрака и закрепили на штатных местах столы.

— Товарищ капитан третьего ранга, пойдёте в кают-компанию, чаю попьём... — я всё ещё пытался спасти положение.

— А вот сейчас проверим порядок у мичманов и пойдём, — на комиссара напал «роботун», такое иногда бывает с начальниками.

Он открыл дверь в мичманскую каюту. Теперь я попытаюсь описать то, что происходило далее.

Первое, что увидел ЗамКомДив, была Стёпина корма, обтянутая трусами в крупные цветочки, как у того волка из «Ну, погоди». Нижнее бельё было явно неуставного образца. Наш минёр только что покинул тёплую, уютную койку, и с неё самым безобразным и вызывающим образом свисало тёмно-синее одеяло. Волосатые ноги Трезвенкова были обуты в тапочки, а сам он, наклонившись над открытым рундуком, что-то усердно и сосредоточенно искал в его недрах.

Партийный начальник остолбенел. Такого наглого надругательства над внутренним распорядком во время сдачи К-1 он явно не ожидал.

— Товарищ Трезвенков?! — сумел он выдать из себя.

Стёпа, нисколько не изменив положение тела и никоим образом не отреагировав на обращение начальника, спокойно продолжал исследовать содержимое рундука.

— Помощник, эт-та что такое?! — этот вопрос уже вполоборота ко мне.

В тот момент я счёл за лучшее выдерживать паузу. На службе научился этому нехитрому приёму мастеров сцены. Стёпа по-прежнему не менял ни позы, ни рода занятий. ЗКД поbledнел.

– Трезвенков?! – это уже с визгом.

И тут наш минёр всё-таки среагировал. Точнее сказать, так: понемногу начал реагировать. Его реакция выразилась в следующем. Сначала он прекратил перебирать в рундуке вещи, руки его остановились, а сам он на некоторое время замер в согнутом положении. Затем он медленно распрямился и столь же медленно повернулся в нашу сторону. Видимо, ему стало интересно: кто же там так кричит. Всклоченные волосы Степана торчали в разные стороны, глаза его, как и у ЗамКомДива, были подёрнуты пеленой всё той же задумчивости. Про выхлоп я писать не стану, вы должны и сами догадаться.

Подольянского заклинило, он наблюдал всю эту картину не шелохнувшись, с выражением дикого ужаса на лице. Я подумал про себя: «Ну вот, нашли друг друга».

В течение нескольких секунд Стёпа пристально смотрел на нас, видимо, оценивая ситуацию; на лице его при этом не отразилось даже зачатка мысли или чувства. Затем он, ничуть не ускоряя движений, медленно повернулся обратно к рундуку, опять склонился над его недрами и возобновил методичные поиски нужной детали формы одежды. А мы с комиссаром вновь смогли созерцать затянутую в цветной ситец кормовую часть нашего корабельного минёра. Все эти эволюции Стёпа произвёл в полнейшем безмолвии. Полслова из него не вылетело. Ну, да он никогда особенно много и не говорил.

Партийный начальник обалдел совершенно. Надо полагать, он ожидал от своего визави несколько иной реакции: хоть какого-то смущения, его попыток оправдаться, как-то объяснить данную нелепую (с точки зрения замкомдива, нелепую) ситуацию... Но реальность почему-то развивалась по совершенно другому сценарию.

Подольянский онемел. Его мутные глаза, постепенно увеличиваясь, уже полезли из орбит, грозя вывалиться наружу и побиться прямо на палубе каюты. Я понял, что поймать их в полёте уже не успею. Трагедия постепенно превращалась в фарс.

И тут ЗКД, проделав над собою невероятное усилие, всё-таки вышел из ступора. Он громко икнул, вправил свои глазные яблоки на их штатные места, развер-

нулся, выскочил в кубрик, затем его вынесло наверх, в тамбур перехода.

– Стёпа, ёп... тап... туда! Ты что, одурел? – я говорил сквозь смех.

– Щас... – только и смог выдать Трезвенков.

Прозвенели звонки, и по «Каштану» разнеслось: «Команде приготовиться к построению на подъём флага! Построение на юте! Форма одежды № 5». Я пошёл в каюту надевать шинель. Приёмка первой курсовой задачи продолжалась.

На подъёме флага Стёпа, как и положено, вертикально, твёрдо и непоколебимо стоял во главе своей БЧ-2-3...

В 18.30 командир прибыл с вечернего доклада и сообщил, что К-1 мы сдали. На топе нашей мачты по-прежнему развевался военно-морской вымпел («рубль», как называют его военморы), а финчасть продолжала исправно начислять нам 30% «морских».

Да-а-а... Разные на кораблях люди служат, и разные с ними истории происходят. Так было и в моё время, и 100 лет назад, и много-много ранее. И наблюдать за всем этим весьма занятно. Надеюсь, что читать об этом – тоже.

Чего стоят одни только военно-морские байки! Например, о некотором весьма тучном командире БЧ-5 с подводной лодки, который за месяцы автономки располнел настолько, что не проходил через центральный люк. Кормёжка на лодках вполне приличная, а маршрут передвижения весьма ограничен: каюта – ПЭЖ (пост энергетики и живучести) – кают-компания – гальюн – каюта... На пирсе, рядом с вернувшейся лодкой рыдала и билась в истерике жена, а мех просто не мог покинуть родную ПЛ, не помещаясь в отверстие люка. Пришлось лодку ставить в завод и вырезать механика из прочного корпуса.

Что в этих байках правда, а что вымысел, наверное, никто уже и не знает. И читателям либо приходится всё это принимать на веру, либо смеяться над этими рассказами, как над очередным анекдотом.

Но об этом – о военно-морских байках, стало быть, – как-нибудь в другой раз. Сегодня пора уже и честь знать.

Сентябрь 2008 г.